

М. А. Ульянов

25/11-882

12 5 июл 1988

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕЛЕЭКРАНА

«Мужик, который пашет.»

ЕСЛИ ехать от Москвы по Дмитровскому шоссе, то на шестидесятом километре, справа виден плотный строй елей, поднявшийся поверх крыш небольшого поселка. Лет двенадцать назад этих елей не было. Автомобильный грохот и гарь «прямой наводкой» были по окнам дачных домиков. Шоссе предстояло реконструировать, расширять, и тогда оно легло бы еще ближе к строениям. Паника охватила жителей поселка. Сели за письма во все инстанции: «Спасите!»

Той осенью я поехал к Ульянову. Дома его не застал. Неподалеку мужик, похожий на только что освобожденного «зека», копал яму. Крикнул ему: «Где хозяин дома?» Мужик обернулся, и предо мной предстал Михаил Александрович.

На голове его была тертая кепочка, легко употребляемая в виде полотенца, на плечах ватник, лоснившийся от автомобильного масла, брюки из ткани цвета «маренго» вправлены в резиновые сапоги. Ульянов в роли хозяина шести до предельно засаженных всякой всячиной соток. (В настоящее время эту дачную униформу, делающую человека свободным от условностей городской среды обитания, Ульянов сменил сообразно «экипировке века». Он принимает гостей на даче в пятнистой одежде, коей маскируются пограничники, десантники. Подарок. Тоже удобно).

Дождливый день не мешал Ульянову. Он копал ямы и сажал ели. «Варьер от шума и гари», — сказал он. — Надежнее всяких писем и просьб. Пока шоссе спроектируют, лесочек нас прикроет».

Ульянов как в воду глядел. Только в прошлом году приступили к переделке и обустройству дороги. Еловый занавес — хоть какая, но защита.

Я вспомнил тот давний эпизод, когда смотрел фильм, сделанный Мариной Голдовской для телевидения. Он называется просто: «Михаил Ульянов. Хроника одной роли».

Знаю по собственному опыту, как непросто даются такие ленты, как сложна ответственность перед зрителями. Трудно избежать субъективных подходов. Стоит ли бояться их? Честнее рассказывать о человеке так, как хочется, как лежит к тому сердце.

Марина Голдовская понимает это. То, что схвачено глазом камеры, — ее собственный взгляд, такой, а не иной, по праву автора сценария, режиссера и оператора одновременно. Единство в трех «ипостасях» помогает и мешает, наверное. Субъективного в три раза больше. Но во столько же раз больше возможностей сказать то, что тебе хочется.

Я смотрел картину как человек, уважающий Ульянова, знающий его давно и, как говорят в таких случаях, «плотно», то есть без лишнего сентиментальных наслоений, бытующих в мире искусств. Да и сама мужская на-

тура Ульянова не позволяет выражать почтение к нему в стиле театральной аффектации, не всегда, кстати, искренней.

Там, в Останкине, в просмотровом зале, я сразу сказал и скажу еще раз о том, что меня насторожило. Быть может, «Брестский мир» Михаила Шатрова не та пьеса, репетиция которой следовало бы показывать так подробно. И не потому, что сложность актерской и режиссерской работы над этим спектаклем Театра Вахтангова не заслуживает интереса, пристального внимания, анализа, тем более что ставил спектакль новый для московской сцены режиссер из Грузии Роберт Струа, а по иной причине.

Политическая значимость этого спектакля так остра, так больно касается нерва дня, что я не хочу предварительных приготовлений, подробностей «технологии» жестов и мизансцен. Когда я смотрел этот спектакль, я был не в театре (хотя был в нем), а как бы присутствовал на заседаниях ЦК нашей партии и слышал Ленина, но не только его. Мысль продолжала связывать увиденное с днем нынешним так отчетливо, как если бы преграда лет не разъединяла людей и обстоятельства их действий.

И еще. Жаль, что фильм не даст возможности его зрителям увидеть хотя бы самые трагические сцены из этого спектакля, что кинокамера не показала нам зал и глаза тех, кто следил за игрой Ульянова, даже не за игрой, а просто за Ульяновым.

Этот настороживший меня поначалу «театроведческий» подход отошел, стал тревожить меньше по мере того, как разворачивалась картина. Воображение все больше и больше включалось в сопереживание, узнавание, в будни театра, в жизнь человека, с которым вроде бы давно знаком, но вот видишь — ново.

Природа отпустила Ульянову больше, чем другим, но и потребовала и требует больше. Получать и отдавать — разные вещи, с разной щедростью распоряжаются своими богатствами люди. Разве «бес-искуситель» не шептал по ночам Ульянову: «Остановись!»? Разве не манило его безоблачное «царствие небесное» в земном варианте? Живи, красуйся, луй! Кумир публики! Социальный герой века! Корни в исконной Сибири, а слава по всей стране. Чего не доставало или недостает?

Есть в фильме такой эпизод. Критик Инна Вишнева на встрече актера со зрителями спрашивает: «Не чувствуешь в тебе такого живого интереса к живому творчеству, а больше аппетита к гражданской деятельности. Меня это в каком-то смысле немного волнует. Как ты на это смотришь?»

Заманчивый момент пожалеть себя, свою актерскую судьбу, вздохнуть и развести руками. Ульянов ни секунды не задумывается:

«Сейчас такое время, когда отсиживаться в иллюзиях, в кустах нельзя». Тут он достает письмо и зачитывает его своим слушателям. «Ульянов! Сегодня вы захлебываетесь в преимуществах перемен, а завтра опять будете лить потоки грязи, как вы это делаете в наше время, на прошлое, на нашу историю. Или вам все равно, лишь бы заказывали музыку и хорошо платили, можно и в виде Золотой звезды. А вы играть будете любому. А где ваше самолюбие, где ваше «я», где ваше достоинство? Или вы действительно артист и более ничего? А совесть? Нельзя же быть артистом в жизни!»

Вот так приходится артисту Ульянову. Я представляю: приходит этот самый Ульянов домой, встречают его близкие: «Он сам себе не дает права расслабиться ни на минуту. Он всегда работает, если не репетирует — занимается какими-то общественными делами. Он все время заведен. Токи этого завода действуют на всех. Я при нем не могу включить телевизор. Он бегаёт, он занят, он работает, а я сижу, телевизор смотрю» (Елена, художник, дочь).

Представляю себе, как проходит Ульянов в свой небольшой кабинет (здесь он тоже вставил тройную раму от шума), садится за стол, вскрывает конверт и читает то самое письмо. А на стене у него кинжалы. Это его «хобби» — кинжалы. Есть и острые.

Там же, в фильме, Ульянову задают такой вопрос: «А не закончится перестройка перестрелкой?»

Ульянов не хватается за кинжал. Он вообще не истерик.

Смотришь фильм, слушаешь Ульянова, его товарищей, его друзей и понимаешь с еще большей отчетливостью, что он просто крупная личность. Генетически крупная. Что в нем нельзя разнять желания и поступки — данное нерасторжимо, в крови.

Это оттуда, из маленького сибирского городка Тара, от отца, матери, от времени, еще сохранившего чистоту, из тех нравственных устоев, в которых отсутствовал расчет и по которым безделье и злоба презирались в равной мере.

Я хочу понять И. Вишневу и не понимаю ее, ибо она знает и ценит в Ульянове как раз то, что ее будто бы беспокоит. Или я не прав? А не показательно ли, что так же сместили свои прямые обязанности в главную сторону, к борениям страстей, хирург С. Федоров, строитель Н. Травкин, драматург А. Гельман, экономист Г. Попов.

Таланты засыхают в мире иллюзий. Свое кредо Ульянов выразил коротко: «Теперь или никогда!»

Нет, не просто так включен в фильм этот эпизод о встрече Ульянова со зрителями. Он нужен — в хронику одной роли артиста Уль-

янова. Театр — его жизнь, и, отдавая часть души борьбе, которая идет сегодня, в том числе и борьбе за обновление своего родного Театра Вахтангова, за его перестройку в духе перестройки, Ульянов ничего не теряет как художник.

И мы видим это. В мучительных поисках точных чувствований на репетиции «Брестского мира», в коротких фрагментах из других работ Ульянова. Штрихами к его портрету возникают кадры из «Председателя», «Бега», «Темы», спектакля «Тевье-молочник».

Есть еще одно важное достоинство в картине. Герои картины разговаривают друг с другом, спорят, что-то спрашивают, отвечают, лексика их речи пестра и сугубо индивидуальна — мир звуков воспроизводит правду жизни не в меньшей степени ярко, чем ряд изобразительный. Ни слова дикторского текста, ни одной назидательной связки. Кружоворот мнений, из которых нам надлежит сделать свои выводы.

«Совсем не великий актер Михаил Александрович, с моей точки зрения. Отнюдь не великий, как его величали. Нет, это артист, который прекрасно делает свое дело. Отлично, высокопрофессионально то, что он должен делать. И совсем он не великий актер, прости, Мишенька» (Юрий Яковлев. Обсуждение спектакля «Брестский мир»).

«Женщине очень нужно, чтобы муж был рядом. Побольше в доме, в семье. Это у нас было. Вот было в первые годы, когда не было такого количества работы. Была жизнь, домашняя, семейная. А сейчас нет. Это очень грустно для дома, очень тяжело. Нет! Сейчас — обидно...» (Алла Парфаньяк, актриса, жена Ульянова).

«Вся его общественная деятельность, вся его адская работа в театре как актера, все, что он делает людям, как он помогает, — он это чувствует изнутри, как мужик, который пашет...» (Ирина Купченко, актриса).

Два кадра у меня перед глазами сейчас, когда я пишу эти строки. Ульянов спит непонятно где. Свалился от усталости и спит. Он иногда говорит домашним: «Разбудите через пятнадцать минут». А встает, точнее, вскакивает сам. Ровно через пятнадцать минут.

И второй кадр. Прикрыв глаза, Ульянов учит текст роли.

Быстро, быстро двигаются губы. Что-то вроде молитвы, заклиняния. Есть такое расхожее театральное сравнение: артист проживает столько жизней, сколько успевает сыграть ролей.

Выучить тысячи слов, положить их в кладовые памяти. Увы, этого мало. Надо еще пропустить эти слова сквозь сердце. Тогда они вернутся к нам, зрителям, в хронике еще одной новой роли.

Алексей АДЖУБЕЙ.